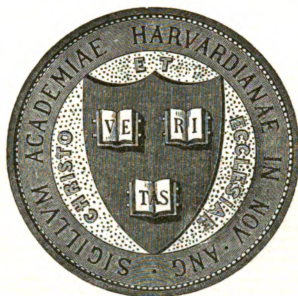

ЛЕРНЕР. КРИТ. РАЗБОРЪ СОЧ. И. АКСЕНФЕЛЬДА - 1868

ACADEMIAE HARVARDIANAE
ET
VE RI TAS
CHRISTO ECCLESIAE
SIGILLUM IN NOV · ANG ·

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

ПОЯВИВШИХСЯ НЕДАВНО

НА ЕВРЕЙСКО-НѢМЕЦКОМЪ ЖАРГОНѢ

СОЧИНЕНІЙ И. АКСЕНФЕЛЬДА

И НАПРАВЛЕНІЯ ИХЪ ВООБЩЕ.

(Письмо въ редакцію «Гамелицъ»)

Переводъ съ еврейскаго

ОСИПА ЛЕРНЕРА.

ОДЕССА.
Въ типографіи П. Францова.
1868.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

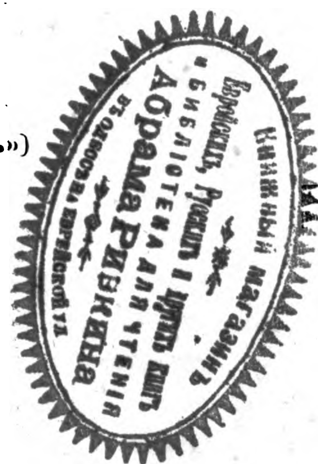
ПОЯВИВШИХСЯ НЕДАВНО

НА ЕВРЕЙСКО-НѢМЕЦКОМЪ ЖАРГОНѢ

СОЧИНЕНІЙ И. АКСЕНФЕЛЬДА

И НАПРАВЛЕНІЯ ИХЪ ВООБЩЕ.

(Письмо въ редакцію «Гамелицъ»)

Переводъ съ еврейскаго

О. М. ЛЕРНЕРА.

ОДЕССА.

Въ типографіи П. Францова.

1868.

Дозволено Цензурою: Одесса, 20 Октября 1867 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлежащая статья заключаетъ въ себѣ разборъ двухъ сочиненій, написанныхъ на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ извѣстнымъ И. Аксенфельдомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою характеристистическій очеркъ всѣхъ произведеній этого писателя. Издавая въ свѣтъ рецензію эту, написанную нами первоначально на древне-еврейскомъ языкѣ и переведенную нами же на языкъ русскій, мы считаемъ обязанностью нашей сказать нѣсколько словъ о причинѣ побудившей насъ передать эту статью русской читающей публикѣ.

Извѣстно, что книга только въ такомъ случаѣ удостоивается перевода, когда она можетъ считаться чрезвычайнымъ явленіемъ, какъ произведеніе автора, признаннаго классикомъ, или же когда она касается важнаго интереса того народа, въ пользу котораго ее и переводятъ. Такъ какъ, относительно этой статьи, мы не могли имѣть въ виду ни то, ни другое, то можно полагать, конечно, что тутъ играетъ главную роль единственная навязчивость и хвастовство писателя; въ особенности же, когда переводъ составленъ самимъ авторомъ, то читатели вправѣ заключить, на сколько онъ ослѣпленъ, думая блеснуть слабымъ произведеніемъ своимъ на поприщѣ литературы.

Дѣйствительно же, нѣтъ у насъ малѣйшаго намѣренія придать предлежащей статьѣ нашей какое либо серьезное значеніе, какъ произведенію новому, имѣющему цѣлью обучать. Такимъ же образомъ, намъ не на столь чужда отечественная литература наша, чтобы мы осмѣлились расчитывать, что рецензія наша обратитъ на себя вниманіе русской публики какъ замѣчательный литературный трудъ.

Слѣдовательно, мы смѣло можемъ увѣрять, что при изданіи этого перевода нами руководило единственное желаніе показать всѣмъ, что и еврейская нація шагаетъ впередъ наравнѣ со всѣмъ человѣчествомъ и во всѣхъ отношеніяхъ направляется по духу XIX вѣка.

Девятнадцатое столѣтіе отличается особенно тѣмъ, что съ наступленіемъ его положено было начало популизированію наукъ, такъ чтобы просвѣщеніе приняло болѣе общій характеръ. Прошло уже то незавидное время, когда науки и искусства не выходили изъ предѣловъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній и были только доступны самой незначительной долѣ людей, между тѣмъ какъ многочисленная бѣдная масса осталась чуждой необходимаго образованія и коснѣла въ ужаснѣйшемъ невѣжествѣ. Мы теперь уже пришли къ такимъ убѣжденіямъ, что никакимъ образомъ не можемъ признать цивилизацію въ томъ народѣ, литература котораго украшена образцовыми произведеніями нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, которые истощали всѣ свои дары на замысловатыя элегіи на смерть героевъ, павшихъ на полѣ битвы, или на произведеніе романовъ, для услажденія жизни сильныхъ міра сего. Мы теперь ничуть не гордимся этими учеными, о трудахъ которыхъ простой народъ ни понятія не имѣлъ, и которые писали зуболомнымъ языкомъ, не обращая вниманія на то, что высокопарный слогъ ихъ доступенъ только ихъ собратамъ-ученымъ, а для большей части остается terra incognita. Съ глубокимъ сожалѣніемъ мы теперь припоминаемъ это грустное прошлое, когда несчастная масса физически и нравственно была унижена. Физически она терпѣла отъ денежныхъ аристократовъ, благодаря крѣпостному праву, а нравственно отъ этихъ ученыхъ, такъ называемыхъ умственныхъ аристократовъ. Съ той же самой аристократической гордостью, которою богачи смотрѣли обыкновенно на *тѣло* крестьянина, въ увѣренности, что онъ Богомъ только и сотворенъ для ихъ выгоды и что онъ таки не имѣетъ права наслаждаться доступными всѣмъ прочимъ благами, и ученые относились къ народному *духу* вообще, думая, что на нравственную жизнь народа нужно обращать вниманіе съ той только цѣлью, чтобы при-

водить въ дѣйствіе стихотворный талантъ свой съ помощью вычурныхъ фразъ. Если даже одинъ изъ нихъ брался иногда изучать обычаи и нравы народа и изображать ихъ въ своихъ романахъ, то онъ этого не дѣлалъ для того, чтобы выставлять хорошую и худую стороны народа и направлять его на путь истины, а съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы чтеніе этихъ описаній доставляло удовольствіе прихотливымъ богачамъ. Подобное, достойное сожалѣнія, положеніе должно было повести къ крайнему пренебреженію физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ массы, и неудивительно поэтому, что простой народъ находился въ такой замкнутости, отверженный человѣческимъ обществомъ.

Но, благодаря важнымъ преобразованіямъ вызваннымъ къ жизни девятнадцатымъ вѣкомъ, и въ этомъ отношеніи многое перемѣнилось. Подобно нашему великому Монарху, освободившему народъ, предоставляя ему общечеловѣческія права, и духъ времени успѣлъ замѣтно перемѣнить къ лучшему умственное состояніе его. Духъ XIX вѣка совсѣмъ разрушилъ литературный аристократизмъ этихъ старыхъ покоившихся на своихъ лаврахъ писателей, и ученые наши наконецъ убѣдились, что народу нельзя отказать ни въ какихъ нравственныхъ принципахъ. Теперь мы уже видимъ, какъ лучшіе и добросовѣстнѣйшіе писатели посвящаютъ все свое время и ученость только народности, съ особеннымъ рвеніемъ изучаютъ бытъ народа, стараются вникнуть въ самые низшіе слои его, знакомятся такимъ образомъ даже съ мелочами народной жизни, качествами и недостатками ея, а послѣ они доставляютъ массѣ труды свои на простѣйшемъ понятномъ ей діалектѣ. Такимъ образомъ, начали популяризовать и науки, такъ что теперь весьма часто издаются научныя книги, самымъ легчайшимъ образомъ изложенныя и предназначенныя исключительно для народа.

Съ особеннымъ уваженіемъ мы должны относиться, по нашему мнѣнію, къ достойнымъ заслугамъ тѣхъ писателей, которые пишутъ полезныя сочиненія свои на различныхъ діалектахъ, существующихъ у всякаго народа, какъ напримѣръ въ Германіи и Франціи. И въ

самомъ дѣлѣ, выражая свои мысли на доступномъ всѣмъ языкѣ, писатели попали на самое раціональное средство для обученія всѣхъ классовъ народа, искорененія его предразсудковъ и исправленія ошибокъ. Смѣло можемъ поэтому полагать, что если ученые наши будутъ и впредь продолжать этотъ путь, то труды ихъ обвѣнчатся успѣхомъ, и они еще болѣе убѣдятся, что всѣ люди безъ разбора воспріимчивы къ прекрасному, хорошему и возвышенному и охотно подвергаются обученію и преобразованію.

Изъ статьи нашей читатели увидятъ, что и еврейскіе сочинители, въ послѣднее время, пошли по этому направленію, такъ что теперь очень часто являются на простомъ разговорномъ языкѣ книги спеціально посвященныя интересамъ простаго класса евреевъ. Но необходимо при этомъ замѣтить, что у евреевъ этотъ подвигъ гораздо важнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Всякій народъ имѣетъ одинъ общій, господствующій, болѣе или менѣе доступный всякому языкъ, на которомъ и писаны исторія его, литература, науки, учебныя и даже духовныя книги. У евреевъ же главный языкъ — древне-еврейскій, на которомъ писаны Библія, молитвы, истолкованія законовъ, новѣйшая ихъ литература, исторія и даже сочиненія переведенныя съ другихъ языковъ. Этотъ древне-еврейскій языкъ находится съ разрушенія храма въ крайнемъ упадкѣ и считается у нихъ священнымъ но мертвымъ, доступнымъ только ученому классу (и то мужчинамъ, ибо женщины не понимаютъ этого языка) который составляетъ, быть можетъ, десятую часть еврейскаго народа. Господствующій же разговорный языкъ у евреевъ — это нѣмецко-еврейскій жаргонъ.

Языкъ этотъ занесенъ былъ евреями въ Польшу, въ концѣ IX вѣка, по прибытіи ихъ туда изъ Германіи при князѣ Лешекѣ, и теперь на немъ разговариваютъ всѣ евреи въ Россіи, Польшѣ, Галиціи, Молдаво-Валахіи и нѣкоторой части Европейской Турціи, которые вмѣстѣ составляютъ болѣе *трехъ* милліоновъ — почти $^2/_3$ всего еврейскаго населенія въ Европѣ. Еврейскій жаргонъ есть собственно испорченный древне-нѣмецкій діалектъ, смѣшанный еще

съ многими латинскими, французскими, англійскими, русскими и польскими словами. Вообще этотъ языкъ имѣетъ въ себѣ много оригинальнаго, подобно характеру самой націи. Скитальческая жизнь евреевъ по многимъ странамъ, между различными націями, содѣйствовала къ тому что, подобно всякому путешественнику, они принесли съ собою въ своемъ характерѣ на мѣсто ихъ осѣдлости что нибудь полезное, заимствованное ими у другихъ народовъ, какъ напримѣръ: французская острота, нѣмецкое глубокомысліе, англійская суровость и проч. Языкъ этотъ такъ уже вкоренился въ плоть и кровь еврея, что онъ употребляетъ его на каждомъ шагу: помощью этого языка еврей и теперь дѣйствуетъ, производитъ, торгуетъ и существуетъ; этотъ языкъ служитъ ему для бесѣды въ семействѣ и въ кружкѣ друзей; на этомъ языкѣ еврей мыслитъ и чувствуетъ, презираетъ и любитъ; однимъ словомъ, этотъ языкъ онъ себѣ присвоилъ для обыденной жизни и только на этомъ языкѣ онъ способенъ обмѣняться съ вами мыслями и выслушать умное, полезное для него слово......

Но при всемъ томъ, ни одинъ изъ еврейскихъ ученыхъ не рѣшился до сихъ поръ писать на этомъ жаргонѣ что нибудь полезное и дѣльное. Происходило ли это пренебреженіе со стороны еврейскихъ ученыхъ отъ литературнаго аристократизма, относительно народа, или отъ предразсудковъ противъ самаго жаргона — мы знать не можемъ. Предъ нашими глазами только тотъ вопіющій фактъ, что всѣ почти вышедшія до настоящаго времени сочиненія на жаргонѣ заключаютъ въ себѣ разсказы о чрезвычайной силѣ цаддиковъ на небѣ и землѣ, о совершаемыхъ ими чудесахъ и о томъ, какъ всякому еврею запрещено вкушать отъ древа знанія и заниматься науками. Эти разсказы, распространяя въ массѣ самыя вредныя мысли, успѣли внушать евреямъ такую боязнь къ просвѣщенія, что еще теперь ими овладѣваетъ паническій страхъ при одномъ вспоминаніи о прогрессѣ, и если-бъ наше гуманное правительство не позаботилось объ устройствѣ для воспитанія еврейскаго юношества особенныхъ училищъ, то простой народъ достигъ бы

окончательной степени грубости и невольно заслужилъ бы со временемъ быть исключеннымъ изъ человѣческаго общества.

Какъ видно, хитрые цаддики были гораздо опытнѣе въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ наши ученые. Стремясь, какъ можно, для матеріальной пользы своей, держать массу въ темнотѣ, и зная что тьма должна непремѣнно исчезнуть предъ свѣтомъ, цаддики главнымъ образомъ старались упрочить въ народѣ обскурантизмъ и устранять отъ него всякій лучь образованія. По этой причинѣ, они и употребляли всѣ усилія, чтобы распространять ядовитыя идей свои, на простомъ жаргонѣ, понятномъ всей массѣ безъ исключенія, между тѣмъ какъ писатели еврейскіе, когда нѣкоторые изъ нихъ вздумали уже иногда ратовать противъ козней этихъ низкихъ ханжей, понапрасну трудились доказывать весь ихъ обманъ на языкѣ доступномъ едва десятой долѣ народа.

Изъ рецензіи нашей читатели увидятъ, что г. Аксенфельдъ былъ первый нашедшій себѣ надлежащій путь въ сердце народа и посвятившій все свое время и труды страшной борьбѣ съ фанатизмомъ, искорененію всѣхъ испорченныхъ идей въ массѣ и раскрытію злоупотребленій святошей-цаддиковъ. Но онъ понялъ, что для истиннаго вліянія на евреевъ необходимо говорить съ ними простыми понятными имъ словами, и поэтому онъ, не слѣдуя примѣру другихъ писателей, поставилъ себѣ задачею неутомимо работать на простомъ жаргонѣ, такъ что ему удалось написать болѣе 20 сочиненій, изъ которыхъ каждое свидѣтельствуетъ о благородномъ стремленіи этого талантливаго писателя— быть полезнымъ народу. Мы прочли большую часть его рукописей и, какъ слышно, онѣ скоро выйдутъ въ свѣтъ.

Думаемъ, что русскіе наши собратья, по врожденному имъ человѣколюбію, не безъ удовольствія прочтутъ статью нашу, которая можетъ имъ служить доказательствомъ, что и евреи не отстаютъ отъ хода прогресса и, предпринимая всѣ мѣры къ образованію массы, стараются стать полезными членами человѣческаго общества.

Считаемъ неизлишнимъ тутъ замѣтить, что рецензія наша, какъ видно изъ заглавія ея, была собственно предназначена для столбцовъ еврейской газеты «Гамелицъ», гдѣ она не *могла* *) явиться, по независящимъ отъ *насъ* причинамъ. Желая передать ее русскимъ читателямъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ она вышла изъ подъ пера нашего на еврейскомъ языкѣ, мы должны были въ переводѣ строго придерживаться оригинала. Конечно, намъ такимъ образомъ нельзя было не наносить ущерба изящности слога и формѣ изложенія мыслей вообще; но льстимъ себя надеждою, что недостатки эти искупаются интересомъ самой статьи.

О. Лернеръ.

Одесса, 6-го Марта 1868 г.

---

*) Нечего грѣха таить .... Почтенная редакція *центральнаго органа для еврейскихъ интересовъ* отказалась помѣстить статью нашу. Что именно могло побудить редакцію къ такому жестокому приговору надъ бѣдной нашей рецензіей — мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи здѣсь разрѣшить. Какъ бы справедливость ни требовала передать подобные факты гласности и какъ бы намъ ни хотѣлось обстоятельно познакомить читателей съ кратковременной но довольно замѣчательной судьбою нашей статьи, мы, однакожъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, должны отложить это разъясненіе до болѣе удобнаго *случая*.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Милостивый Государь!

Бываютъ минуты въ жизни человѣка, когда разныя причины заставляютъ его совершенно забыться и, отрекаясь отъ всѣхъ внѣшнихъ явленій, заключиться въ своей собственной *душѣ*; тогда всѣ вещи, обыкновенно дѣйствующія на людей, не въ состояніи расшевелить его, и только особенно выдающіяся явленія (важныя для большинства или по крайней мѣрѣ для него самаго) могутъ разбудить его отъ этого своего рода забытія и расшевелить его сосредоточенныя на одномъ пунктѣ мысли, чтобы онъ вновь могъ подвергаться *внѣшнему* вліянію и прійти въ свое нормальное положеніе. Въ эту минуту, въ которую я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, слѣдующими строками, я тоже нахожусь въ подобномъ состояніи. Вы вѣроятно не мало удивлялись моему упорному молчанію со дня оставленія Одессы, равно и тому, что я до сихъ поръ не прислалъ вамъ статей, согласно вашей просьбѣ и данному мною предъ отъѣздомъ обѣщанію. Но причина этому была та, что сейчасъ по прибытіи моемъ въ Херсонъ, разныя случайности, разъясненіе которыхъ здѣсь неумѣстно, заставили меня забыть на время всѣ мои прежнія привязанности и все, что тѣсно касалось моей личности и зарыть въ себя всѣ мысли и образъ дѣйствій. Трудно мнѣ описать вамъ состояніе моей души въ то время; она была тогда больна и я походилъ на сновидца, которому нѣтъ дѣла до дѣйствительнаго міра и который, по пробужденіи, не можетъ еще объяснить себѣ своего прежняго загадочнаго состоянія. Я могъ

узнать только, что есть большое различіе между *физической* болью, терзающей тѣло, и *нравственной* болѣзнью, которая точитъ сердце. Когда человѣкъ подвергается *болъзни*, тогда его страданія нѣсколько каменятъ его сердце до того, что онъ, съ невозмутимымъ равнодушіемъ, можетъ быть свидѣтелемъ сердцераздирающихъ сценъ и остаться нетронутымъ страданіями ближняго; но за то, когда человѣкъ страдаетъ *нравственно*, тогда его чувства достигаютъ самой высшей степени, и онъ, видя предъ собою мученія другихъ, не можетъ не проникаться сочувствіемъ къ нимъ. Въ такомъ положеніи и я тогда находился. Когда сердце мое было отягощено печалью, я не могъ забыть моихъ единовѣрцевъ, коснѣющихъ еще подъ игомъ фанатизма, и хотя состояніе моего народа и прежде не было мнѣ безъизвѣстно — оно мнѣ въ эту минуту казалось не въ примѣръ страшнѣе и жалче. Сколько мыслей пробудилось во мнѣ, когда я вспоминалъ моихъ единоплеменниковъ, и какъ глубоко я сожалѣлъ объ ихъ несчастномъ положеніи! Я вспомнилъ моихъ бѣдныхъ братьевъ, которые понынѣ блуждаютъ въ темнотѣ и теперь еще окунуты въ грязи нелѣпыхъ предосудительныхъ понятій; которые сами сотворяютъ себѣ деспотовъ и кумировъ и пресмыкаются предъ ними, всякаго же честнаго путеводителя забрасываютъ каменьями. Я вспомнилъ ихъ несчастныхъ дѣтей, которые въ нашъ вѣкъ еще слѣдуютъ примѣру своихъ родителей и губятъ свои способности, вмѣсто того, чтобы направить ихъ на пользу себѣ и другимъ. Я вспомнилъ зловредныхъ *цaддиковъ*, которые во время оно портили народъ и теперь еще губятъ его. Я вспомнилъ и большую часть нашихъ писателей, на которыхъ лежитъ священная обязанность улучшить бытъ своего народа..... они же ничего не дѣлаютъ, думая, что увеличивая еврейскую литературу безполезными, вычурными произведеніями своими или десяткомъ другихъ иностранныхъ словъ, они тѣмъ самымъ уже сдѣлали свое. Я вспомнилъ многое..... и эти вспоминанія усилили еще болѣе мою грусть: только нѣсколько вздоховъ могли вырваться изъ моей груди, мысли же укрылись глубоко, глубоко въ душу мою. Въ такомъ состояніи я находился пока, нѣ-

сколько дней тому назадъ, я получилъ въ подарокъ отъ одного изъ моихъ Одесскихъ друзей два рукописныя сочиненія, на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ, покойнаго И. Аксенфельда *). Эти сочиненія чрезвычайно сильно подѣйствовали на меня, такъ какъ въ нихъ я впервые увидѣлъ давно желанное, и, подъ вліяніемъ произведеннаго ими на меня впечатлѣнія, я пишу предлежащую статью. Я не хочу здѣсь описать все перечувствованное мною по прочтеніи этихъ сочиненій; довольно того, если скажу, что они съумѣли разбудить во мнѣ мои задремавшія мысли и дали мнѣ почти новыя нравственныя силы, а поэтому я долгомъ считаю заявить свое мнѣніе о нихъ и заговорить вообще о пользѣ, которую, по моему мнѣнію, можетъ принести распространеніе подобныхъ сочиненій въ массѣ.

Считаю излишнимъ говорить здѣсь о необходимости изданія сочиненій на жаргонѣ, потому что, во первыхъ, много было уже говорено объ этомъ въ еврейскихъ газетахъ, и, во вторыхъ, уже разъ дознано, что нѣтъ лучшаго средства къ распространенію полезныхъ понятій въ народѣ. Я только намѣренъ здѣсь обратить вниманіе на тѣхъ малочисленныхъ людей, которые начали писать на жаргонѣ, и присмотрѣться — поняли-ли они свою задачу и успѣли-ли они что нибудь сдѣлать для массы. Но, къ сожалѣнію, мы видимъ, что эти сочинители (за исключеніемъ немногихъ) ни въ чемъ не успѣли. Во первыхъ, эти господа забыли, что для проведенія какой либо новой идеи въ народъ, нужно ее разъяснять для него на чистомъ разговорномъ языкѣ, а не на испорченномъ діалектѣ. Миссіонеры, принимаясь распространять новую религію между дикими, прежде всего изучали основательно болѣе употребительное нарѣчіе новообращаемыхъ и ознакомлялись съ его особенностами и даже поговорками его; такимъ же образомъ они успѣли освоиться съ ихъ нравами и обычаями и тогда, зная куда приставать, уже тѣмъ вѣрнѣе направля-

*) Первое подъ названіемъ «Мужъ, жена, братъ, сестра» вышло въ свѣтъ недавно въ Одессѣ, въ типографіи М. Белинсона, а второе «Штерентихелъ», т. е. жемчужный головной уборъ, отпечатано въ Лейпцигѣ, въ типографіи К. В. Фольрата.

лись къ своей цѣли. Во вторыхъ, извѣстно, что для искорененія какихъ нибудь испорченныхъ нравовъ въ какомъ-либо народѣ, мы должны разоблачать предъ нимъ всѣ гибельныя послѣдствія этихъ нравовъ, а поэтому всѣ подобныя сочиненія должны имѣть своимъ сюжетомъ одну только жизнь массы, чтобы давать этой послѣдней возможность увидѣть себя, свой образъ мыслей и дѣйствій какъ въ зеркалѣ. Къ сожалѣнію, мы всего этого не находимъ у подобныхъ сочинителей, которые, употребляя смѣшной совершенно неприступный для массы языкъ, пишутъ еще о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ вовсе никакого интереса и пользы для народа, на который они думаютъ дѣйствовать, такъ какъ сочиненія ихъ вообще лишены всякой связи съ народною жизнью. Неудивительно поэтому, если эти сочинители не достигали желанной цѣли: они съ самаго начала не знали какую выбрать дорогу и что имъ предстоитъ дѣлать.

Совершенно другое видимъ мы въ сочиненіяхъ г. Аксенфельда, которыя представляютъ рѣзкую противоположность почти ко всѣмъ вышедшимъ до сихъ поръ книгамъ этого рода. a) Онъ отлично владѣлъ нарѣчіями, употребляемыми во всѣхъ слояхъ массы, такъ что выставленныя имъ типичныя личности такъ сходны и вѣрны, что всякій читатель, будь онъ даже самый простой человѣкъ, въ состояніи сейчасъ ихъ узнать и прозрѣть ихъ обманы или благотворенія, ихъ хорошія и дурныя качества. b) Въ теченіе своей многолѣтней жизни, онъ успѣлъ изучить въ точности народную жизнь со всѣми ея оттѣнками и дѣйствія массы, худыя и хорошія ея стороны. c) Онъ обладалъ талантомъ передать все замѣчаемое имъ въ самыхъ вѣрныхъ краскахъ, такъ что его сочиненія могутъ намъ давать точное понятіе, въ какомъ положеніи русскіе евреи находились пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и отчасти теперь еще находятся въ маленькихъ городахъ Польши и западныхъ губерній. Вообще, можемъ сказать, нѣтъ ни одного предмета, на который г. Аксенфельдъ обратилъ бы вниманіе и ему не удалось обрисовать его какъ слѣдуетъ, и, начиная съ базарной сидѣлицы до богача-еврея, задирающаго голову своими капиталами,—всѣ выставлены у него въ ихъ наиестественнѣйшемъ видѣ.

d) Замѣчательнѣе всего то, что во всѣхъ его сочиненіяхъ уяснена *цѣль*, которую онъ себѣ предположилъ. Независимо отъ общей заслуги всѣхъ его сочиненій, по отношенію къ цивилизаціи и новымъ идеямъ, каждое его сочиненіе, въ отдѣльности, не лишено частной пользы и цѣли. Намъ случилось читать нѣкоторыя изъ его рукописныхъ сочиненій и были изумлены знаніемъ, какимъ г. Аксенфельдъ съумѣлъ затрагивать почти всѣ вопросы, касающіеся до улучшенія быта евреевъ въ Россіи. Будучи знакомъ съ той значительной частью нашихъ единовѣрцевъ, которая искони погружена въ невѣжество; зная хорошо и причины, питающія фанатизмъ народа и не дающія проникнуть ни одному лучу образованія въ эту тьму, какъ напримѣръ цаддики и хасиды, умножающіеся со дня на день и которые не только подстрѣкаютъ народъ покрѣпче держаться за старинныя суевѣрія, но даже всячески стараются отнять отъ нихъ всякое дѣльное понятіе; зная все это, г. Аксенфельдъ мужественно выступилъ противъ враговъ просвѣщенія и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ ратуетъ противъ этихъ угнетателей народа, сосущихъ его кровь и губящихъ его способности и силы. Точно также онъ ратовалъ противъ равнодушія большей части евреевъ къ учрежденнымъ для воспитанія еврейскаго юношества училищамъ и старался доказать имъ на сколько необходимо систематическое воспитаніе, приводя при этомъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ примѣры изъ жизни евреевъ въ другихъ государствахъ Западной Европы. Однимъ словомъ, онъ не пропускалъ ни одного нрава, ни одного предосудительнаго обычая, ни одной слабой стороны, и все ему удалось срисовать изумительно-вѣрно, такъ что даже тѣ, противъ которыхъ направлены его сочиненія, не могутъ отрицать правдивости его типовъ. Изъ лежащихъ теперь предъ нами сочиненій, цѣль перваго, подъ названіемъ «Мужъ, жена, сестра и братъ», обратить вниманіе евреевъ на тѣ худыя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ свойственной многимъ евреямъ безпечности и пренебреженія — записывать своихъ новорожденныхъ дѣтей въ устроенныхъ правительствомъ метрическихъ книгахъ, и для этой цѣли онъ приводитъ въ этой мелодрамѣ такой случай, который всякій нѣ-

сколько знакомый съ безпорядкомъ, господствующимъ въ общественныхъ дѣлахъ у евреевъ—не можетъ не назвать правдоподобнымъ. Г. Аксенфельдъ зналъ на столько придать этому случаю важность въ глазахъ народа, какъ *отступленіе отъ религіи*, такъ что мы смѣло можемъ надѣяться, что его слова подѣйствуютъ даже тамъ, гдѣ усилія закона остались до сихъ поръ тщетными. Цѣль втораго сочиненія — открыть народу глаза, чтобы они могли видѣть обманъ цаддиковъ, которые пользуются невѣжествомъ массы и грабятъ ее среди бѣлаго дня. Здѣсь увидитъ читатель, на сколько цаддики злоупотребляютъ довѣріемъ своихъ слѣпыхъ поборниковъ и набиваютъ себѣ карманъ такими деньгами, за которыя можно было бы вызвать къ жизни множество благотворительныхъ дѣлъ; здѣсь мы видимъ, съ какой яростью эти ханжи преслѣдуютъ всякаго поборника просвѣщенія; здѣсь мы видимъ многое.... здѣсь мы видимъ то, что мы давно, привыкли видѣть въ нашемъ народѣ, и которое только такой писатель, какъ г. Аксенфельдъ, могъ въ точности передать перомъ; здѣсь мы чувствуемъ.... здѣсь мы должны сокрушаться, какъ будто описанное имъ дѣйствіе происходитъ предъ нашими глазами. Читая сочиненіе «Штернтихель», насъ до того поражаетъ это точное описаніе продѣлокъ цаддиковъ и хасидовъ, что это невольно наводитъ насъ на мысль: быть можетъ, онъ самъ принадлежалъ когда-то къ числу этихъ цаддиковъ-обманщиковъ или по крайней мѣрѣ разочарованныхъ хасидовъ. Такимъ образомъ мы видимъ г. Аксенфельда въ его сочиненіяхъ выступающимъ серьезнымъ словомъ и ѣдкой сатирой какъ противъ *обманщиковъ*, употребляющихъ суевѣріе какъ средство, такъ и противъ самого *суевѣрія*; поэтому всѣ его сочиненія полны новыхъ идей и каждое изъ нихъ имѣетъ свою полезную *цѣль*.

Мы говорили до сихъ поръ объ общей пользѣ, которую могутъ принести сочиненія Аксенфельда, и само собою понятно на сколько необходимо распространеніе подобныхъ книгъ въ массѣ; теперь постараемся разъяснить, должны-ли мы смотрѣть на эти сочиненія какъ на простые народные разсказы, отличающіеся отъ всѣхъ прочихъ

писанныхъ на этомъ языкѣ сочиненій только хорошой цѣлью, или же мы можемъ имъ давать первенство, какъ произведеніямъ имѣющимъ какое нибудь значеніе въ области искусства. Но прежде чѣмъ мы возьмемся разъяснить этотъ предметъ, считаемъ необходимымъ опредѣлить здѣсь, что именно, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *искусство*.

Много было говорено, въ послѣднее время, въ научномъ мірѣ объ «искусствѣ». Безъ сомнѣнія, многіе изъ нашихъ читателей знакомы уже съ этимъ вопросомъ; тѣмъ не менѣе, думаемъ мы, что самый кратчайшій путь къ разрѣшенію его будетъ то, если опредѣлимъ, что *искусство — это подражаніе и копированіе природы*. Искусство распадается на нѣсколько вѣтвей, какъ: музыка, художество, скульптура, поэзія и проч. Всѣ онѣ должны подражать природѣ и чѣмъ онѣ болѣе близки къ ней значеніе ихъ больше и важнѣе, по отношенію къ искуству. И такъ, *художникъ* есть тотъ, который умѣетъ въ точности подражать природѣ, а *истиннымъ художникомъ* мы можемъ назвать только того, произведеніе котораго отличается природнымъ сходствомъ до такой степени, чтобъ между его искуственнымъ произведеніемъ и твореніемъ самой природы не было ни малѣйшаго различія, даже для самого опытнаго и зоркаго глаза. Послѣ этого опредѣленія, считаемъ излишнимъ доказать здѣсь, какъ мало общаго между всѣми почти появившимися доселѣ на еврейскомъ жаргонѣ сочиненіями и искусствомъ, ибо предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ критически разбирать ихъ всѣхъ, и мы надѣемся, что читатели сами будутъ въ состояніи судить, на сколько онѣ обладаютъ искуственнымъ значеніемъ. Мы тутъ только бросимъ взглядъ, какую именно заслугу можемъ мы приписать сочиненіямъ г. Аксенфельда, по отношенію къ законамъ искусства.

Г. Аксенфельда можемъ причислять къ тѣмъ писателямъ, которые на столько умѣютъ передать перомъ, какъ художникъ — кистью; и хорошее и злое, прекрасное и гадкое, возвышенное и смѣшное, добродѣтель и порокъ — всѣ должны у него быть изображены въ томъ видѣ, какъ они являются и дѣйствуютъ въ природѣ. Произ-

веднія г. Аксенфельда такъ художественны, что, по нашему мнѣнію, ничуть не будетъ преувеличено, если выразимся о нихъ словами великаго Жанъ-Поля, который въ его Vorschule zur Ästetik говоритъ о Геснерѣ: «dass jedes Wort, naiv, charakteristisch, farbig, fest und warhaft ist». Кто, напримѣръ, хочетъ убѣдиться, какъ характеристически-вѣрно г. Аксенфельдъ умѣлъ рисовать *отвратительное*, тому слѣдуетъ только прочесть въ мелодрамѣ «Мужъ, жена, сестра и братъ» на 7 стр. слова болтливой синагогальной прислужницы *Добрышь*, и онъ будетъ удивляться, какъ человѣкъ можетъ такъ живо передать такія сцены, при прочтеніи которыхъ въ насъ возбуждаются такія чувства омерзенія, которыя могутъ родиться только при видѣ подобныхъ явленій in natura. Такимъ образомъ ему удалось изображать въ точности злость, самодурство, легкомысліе, дерзость и пустословіе, встрѣчаемыя въ ватагѣ выведенныхъ имъ на чистую личностей, какъ, напримѣръ: безжалостной портной, кормящій своего ученика щедрыми побоями; богачь-скряга, который денно и нощно сидитъ надъ Талмудомъ и старается, однако, какими бы то ни было средствами, накопать себѣ богатство, не брезгая даже тѣмъ, чтобы *красивая* жена его принимала подарки отъ *молодаго нѣмца*; уличная фельдшерша *Неся*, которая изъ за одной копѣйки можетъ раскричаться и осыпать тысячами проклятій. Знаемъ, что многіе будутъ обвинять г. Аксенфельда, что онъ будто согрѣшилъ противъ эстетики и, рисуя подобныя картины, онъ этимъ преступалъ правила приличія; но сужденія такихъ господъ будутъ слишкомъ опрометчивы и покажутъ, что они не имѣютъ еще яснаго, опредѣленнаго понятія о значеніи самой эстетики. Во первыхъ, они забываютъ, что природа сама создаетъ такого рода явленія, и писатель, если онъ истинный художникъ, долженъ только вѣрно копировать ее. Значитъ, на писателя нечего пенять, если мы встрѣчаемъ у него что-то непріятно дѣйствующее на наши чувства; гораздо справедливѣе уже роптать на природу, почему она создала подобныя явленія. Между тѣмъ мы ничуть не можемъ предполагать, что природа лишена эстетики. Во вторыхъ, они, какъ видно, не обращаютъ

вниманія на то обстоятельство, что еслибъ въ природѣ не существовало *гадкое*, мы бы не имѣли надлежащаго понятія о *прекрасномъ*, ибо, какъ извѣстно, мы можемъ только *отрицательнымъ* опредѣлить *положительное* и, такимъ образомъ, рельефнѣе увидѣть различіе между *свѣтомъ* и *темнотою* и между прочими крайними *противоположеностями*, которыя должны вмѣстѣ существовать въ природѣ. Слѣдовательно, писатель ни въ чемъ не согрѣшилъ описаніемъ отвратительнаго, потому что, позволь онъ себѣ отступать отъ дѣйствительности, произведеніе его вышло бы невѣрнымъ И дѣйствительно, кто, напримѣръ, изъ знакомыхъ съ состояніемъ нашихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ можетъ не согласиться съ нами, что всѣ личности, выведенныя въ сочиненіяхъ Аксенфельда, ни на волосъ не уклонены отъ истины и не скаррикатурены, и г. Аксенфельдъ, рисуя подлость, испорченность, болтливость своихъ героевъ, нисколько не отступаетъ отъ дѣйствительности. За то, когда г. Аксенфельдъ рисуетъ намъ *прекрасное*, тогда мы видимъ, какимъ удивительнымъ образомъ онъ и тутъ придерживался точности. Такъ, напримѣръ, личности купца-англичанина съ его прикащикомъ, поражающихъ всѣхъ евреевъ мѣстечка Вымысла своей солидностью и знаніемъ дѣла, такъ и личность духовнаго раввина, извѣстнаго своимъ безпристрастіемъ, какъ человѣкъ независимый отъ общества и пропитывающійся заработками своей честной жены-лавочницы,—всѣ эти личности рисуются у него въ самыхъ вѣрныхъ и свѣтлыхъ краскахъ. Г. Аксенфельдъ, характеризируя этого благочестиваго раввина и достойную жену его, отличающуюся скромностью и благотворительностью, имѣлъ въ виду доказать этимъ, что только чистая религія, безъ примѣси суевѣрія и предразсудковъ, въ состояніи производить такихъ честныхъ и безукоризненныхъ людей, живущихъ въ мирѣ и согласіи, не гоняющихся за богатствомъ и довольныхъ своею участью. Эту цѣль онъ, какъ видно, преслѣдовалъ и въ другихъ сочиненіяхъ, стараясь выставлять постоянно на видъ благотворную сторону чистой религіи, наводящей на путь добродѣтели, въ то время, какъ суевѣріе и фанатизмъ подтачиваютъ народную жизнь и губятъ ее физически

и морально. Присматриваясь къ рѣзкому различію, замѣтному между, выставленными въ этой мелодрамѣ злыми и добрыми характерами мы не можемъ не повторить тутъ еще разъ, на сколько безосновательно мнѣніе тѣхъ, которые увѣряютъ, что рисованіе *отвратительнаго* есть отступленіе отъ эстетики. Кажется, еслибъ авторъ не выставилъ бы намъ прежде въ настоящемъ видѣ *злыхъ* людей, мы бы не были въ состояніи оцѣнить выведенныхъ имъ послѣ *добрыхъ* и понять преимущество послѣднихъ надъ первыми; ибо только, при видѣ съ одной стороны *злаго*, намъ рѣзко бросается въ глаза *хорошее* и дѣлаетъ на насъ гораздо большее и сильнѣйшее впечатлѣніе. Это тѣмъ болѣе справедливо, такъ какъ художество требуетъ отъ художника избѣжанія всякой односторонности и строгаго придерживанья дѣйствительности; слѣдовательно онъ долженъ, для того, чтобы не отклониться отъ цѣли и возбудить въ читателяхъ симпатію къ *прекрасному* и отвращеніе къ *гадкому*, рисовать вѣрно обѣ эти крайности.

Содержаніе втораго сочиненія «Штернтихель» есть романтическая повѣсть, направленная исключительно противъ продѣлокъ цаддиковъ, этихъ палачей народа Израиля, которые подъ личиной благочестія пожираютъ его и, драпируясь въ мантію вѣры и чудотворства, скрываютъ народъ отъ всякаго луча познанія и вводятъ его въ заблужденіе. Масса же не только слѣпо довѣряется имъ, но даже твердо убѣждена, что цаддики владычествуютъ на небѣ и землѣ и что въ ихъ рукахъ—божеское благословеніе и проклятіе, чтобы стереть своихъ противниковъ съ лица земли.

Въ виду этого, авторъ поставилъ цаддиковъ цѣлью означеннаго сочиненія для того, чтобы обнаружить предъ свѣтомъ всѣ ихъ продѣлки и затаенныя пружины ихъ дѣятельности. Для этого онъ выбралъ героемъ своей повѣсти одного молодаго человѣка «*Мехлъ Мацеба*», преслѣдуемаго грозными хасидами, который за малѣйшее отступленіе отъ еврейскаго закона поплатился у цаддика всѣми добытыми имъ потомъ лица деньгами и лишился въ добавокъ своего единственнаго счастія растройствомъ партіи съ его любимой дѣвушкою

— дочерью синагогальнаго служителя. Этотъ несчастный случай заставилъ его бросить родину и удалиться въ Германію, гдѣ онъ увидѣлъ евреевъ, составляющихъ рѣзкую противоположность его соотечественникамъ, и гдѣ ему удалось присвоить себѣ новыя понятія и образъ мыслей и солиднымъ путемъ составить себѣ значительное состояніе. Но въ то время, когда молодой *Мехлв* скитался за горами, за долами, родной его городъ выдвинулся исполинскими шагами на аренѣ фанатизма, и цаддикъ успѣлъ расширить свою власть на столько, что даже всѣ прежніе враги его, пораженные его чудотворствами, должны были вступать въ число его приверженцевъ. Изъ хитрыхъ средствъ, употребляемыхъ цаддикомъ для достиженія этой цѣли, авторъ удачно рисуетъ случай въ домѣ одного винопродавца, у котораго цаддикъ силою своего чудотворства выгналъ обезпокоившаго его *домоваго* и этакимъ путемъ склонилъ его стать хасидомъ. Такимъ образомъ авторъ даетъ хасидизму возвышаться до своего апогея и приводитъ свой разсказъ до періода окончательнаго его паденія, когда въ одинъ прекрасный субботній день всѣ средства, способствовавшія цаддику къ осуществленію своихъ хитростей и козней, мигомъ рушаются. Въ эту субботу, при стеченіи многихъ прибывающихъ съ разныхъ мѣстностей на поклоненіе хасидовъ, въ домъ цаддика собираются тѣ именно, которыхъ онъ успѣлъ привлечь своими сверхъестественными чудесами; но лишь только цаддикъ собирается пожинать лавры своихъ побѣдъ и внутренно торжествуетъ, какъ вдругъ на его голову обрушается несчастіе и нежданно-негаданно онъ представляется вдругъ разоблаченнымъ, со всею своею превышающею уже всѣ предѣлы наглостью. Авторъ устраиваетъ эту катастрофу слѣдующимъ образомъ. Между вновь пріѣзжими на поклоненіе цаддику находится одинъ неизвѣстный купецъ, котораго сейчасъ узнаютъ, что это — тотъ же самый *Мехлв*, скрывшійся когда-то отъ преслѣдованія хасидовъ, и который неожиданнымъ пріѣздомъ своимъ вдругъ нанесъ цаддику ужасный ударъ и поставилъ его въ такое неловкое положеніе, отъ котораго ему нѣтъ возможности выпутаться. Такимъ образомъ, этотъ незванный гость является, какъ усматри-

вается изъ теченія названнаго разсказа, цаддику главнымъ камнемъ преткновенія, такъ какъ всѣ тогда вполнѣ убѣждаются, что чудеса имъ сотворенныя былъ только простой обманъ, и коварство его обнаруживается. Присматриваясь къ этой повѣсти, нельзя намъ не удивляться вѣрности рисованныхъ имъ картинъ и въ особенности той эффектности, которую авторъ искуственнымъ образомъ умѣлъ придать всякой сценѣ. Когда г. Аксенфельдъ говоритъ о *порокѣ*, онъ возбуждаетъ въ читателѣ не только негодованіе противъ этого, но и наполняетъ его ненавистью къ самому преступнику, такъ что онъ чувствуется тогда въ состояніи мстить ему. Такимъ же образомъ, когда авторъ намъ рисуетъ грѣховода при обнаруживаніи его дѣйствій, мы видимъ этого грѣшника на столько разбитымъ, что онъ вовсе не знаетъ куда дѣваться отъ стыда. Стоитъ только обратить вниманіе на положеніе *цаддика* въ ту минуту, когда онъ уже видитъ предъ собою непремѣнную гибель, или *ребъ-Фишеля*, собирающаго милостыни въ пользу тунеядцевъ-евреевъ въ Палестинѣ, при непріятной встрѣчѣ его съ брошенной супругой, чтобы убѣдиться, какъ живо авторъ умѣлъ рисовать наказаніе порока. И въ самомъ дѣлѣ, повѣсть эту можно считать свѣжо взятой изъ обыденной жизни русскихъ евреевъ, и кто только знакомъ съ пагубными дѣйствіями цаддиковъ еще въ настоящее время тотъ не можетъ сомнѣваться въ вѣрности приведенныхъ г. Аксенфельдомъ фактовъ. Пишущій эти строки можетъ свидѣтельствовать, что онъ нарочно далъ эту книгу прочесть одному случайно попавшемуся ему хасиду, и хоть послѣдній корчилъ довольно кислыя гримасы, видя такое явное обличеніе цаддика, онъ все таки долженъ былъ сознаться, что въ повѣсти нѣтъ малѣйшаго погрѣшенія противъ истины. Такимъ образомъ удалось г. Аксенфельду списать подобныя сцены изъ жизни еврейскаго народа и въ особенности разъяснять безстыдство этихъ низкихъ ханжей; и мы смѣло можемъ полагать, что такого рода сочиненія должны непремѣнно оказывать свое благотворное дѣйствіе и вездѣ, гдѣ они только будутъ распространены, они не могутъ не достигнуть предположенной цѣли.

Кромѣ того сочиненія г. Аксенфельда отличаются еще тѣмъ, что, завлекая читателя съ самой первой страницы и напрягая все его любопытство и любознательность, они держатъ его въ такомъ напряженномъ состояніи до самого конца, удерживая заложникомъ ожидаемую развязку. Во всѣхъ его бельлетристическихъ и драматическихъ произведеніяхъ замѣтно особенное стараніе передать факты такимъ образомъ, чтобы только конецъ могъ разъяснить сущность всего дѣла и уничтожить не разъ догадливости проницательнаго читателя. Это, признаться, доходитъ иногда у него до невѣроятностей; но мы можемъ его оправдать тѣмъ, что во время его литературной дѣятельности эта манія преобладала почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ, или, что всего вѣрнѣе, назначая свои сочиненія исключительно для массы, онъ старался воспользоваться ея любопытствомъ и скрывать отъ нихъ интересную развязку, чтобы они такимъ образомъ прочли все прежнее со вниманіемъ и присматривались больше къ главной идеѣ. И дѣйствительно, его сочиненія на столько интересуютъ читателя, что наврядъ-ли найдется кто-нибудь, который могъ-бы равнодушно отрываться отъ книги, не дочитавъ ее въ одинъ пріемъ.

Не менѣе слѣдуетъ изумляться его юмору и ѣдкой сатирѣ, съ которыми онъ караетъ зло и порочныхъ людей, — тогда онъ безпощаденъ, каждое слово его превращается въ ядъ, и, казалось бы, что онъ уже слишкомъ строго и жестоко наказываетъ осужденныхъ. Но было бы, однако, опрометчиво заключать, что авторъ — жестокосердъ и имѣетъ особую манію мстить и карать, — слѣдуетъ только прочесть какъ онъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о добродѣтели и благотворительности и рисуетъ своихъ добродѣтельныхъ героевъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. *Тамъ* онъ совершенно перерождается, и мы его встрѣчаемъ такимъ гуманнымъ, добролюбивымъ и сочувствующимъ благому дѣлу, что тотъ же самый писатель, котораго мы готовы были прежде обвинять въ жестокости, является намъ теперъ мягкосердечнымъ ребенкомъ, наивно стремящимся къ хорошему *).

*) Это все увидитъ читатель въ его сочиненіи, прозванномъ «Kabzan-Oscher Spiel» и находящемся еще въ рукописи.

Все же это происходитъ оттого, что писатель, въ качествѣ художника, долженъ вѣрно послѣдовать природѣ, которая, какъ извѣстно, тоже безпощадна ко всѣмъ попирающимъ ея законы и условія.

Нѣкоторые вѣроятно удивятся, почему мы придаемъ сочиненіямъ г. Аксенфельда такое важное значеніе, въ отношеніи къ искусству, въ то время, какъ онъ большей частью писалъ о самыхъ мелкихъ вещахъ и порокахъ, какъ мелочность, пустота, отвратительность—которыми отличается масса. По мнѣнію этихъ нѣкоторыхъ, произведенія Аксенфельда стоятъ гораздо ниже другихъ, потому именно, что онъ не обратилъ вниманія на *изящность* содержанія, какъ, напримѣръ, поэтическое описаніе царскихъ дворцовъ, рыцарскихъ замковъ, очаровательныхъ садовъ, пріятныхъ цвѣтовъ, бушующаго моря и прочихъ подобныхъ вещей, требующихъ фантастическихъ изображеній и умильныхъ изліяній и служащихъ испоконъ вѣка пищею для записныхъ стихотворцевъ и риѳмоплетовъ. Но эти господа впадаютъ въ ошибку, и приведенная имъ причина не только не наноситъ ущерба произведеніямъ Аксенфельда, но, напротивъ, возвышаетъ ихъ, относительно искусства, ибо мы знаемъ что рисовать возвышенные предметы въ природѣ не очень то трудно и это не требуетъ такого поэтическаго дара, такъ какъ сюжетъ самъ довольно поэтическій; для того-же, чтобы изъ *пустаго* и *незначительнаго* создать какую нибудь поэтическую картину нужно владѣть необыкновенными способностями и быть художникомъ по призванію. То же самое утверждаетъ великій нѣмецкій поэтъ *Гейне*, говоря во второй части его «романтической школы» о *Гете* и его сочиненіи *Фаустъ*, и мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь, съ маленькой только перемѣною, его многозначительныя слова. Гете, говоритъ Гейне, истинный художникъ. Въ его *Фаустѣ* мы находимъ всю природу, начиная съ червячка, который ползетъ на землѣ, до ангела возлетающаго къ небесамъ. Когда онъ намъ рисуетъ *великое* и *возвышенное*, мы можемъ еще полагать, что и другіе въ состояніи подражать ему; но когда онъ описываетъ *ничтожное* и *гадкое* въ природѣ, тогда онъ является намъ безподобнымъ, и мы можемъ положительно

утверждать, что ни одинъ не съумѣетъ нарисовать это подобнымъ образомъ. То же самое мы видимъ у законодателя Моисея, всѣмъ чудесамъ котораго Египетскіе магики удачно подражали, и только при сотвореніи *инфузорій* ихъ усилія остались тщетными.

Мы тутъ, кажется, довольно распространились о произведеніяхъ г. Аксенфельда и надѣемся что, по прочтеніи этихъ строкъ, даже тѣ которые привыкли нѣсколько индеферентно относиться къ народнымъ разсказамъ, писаннымъ на жаргонѣ, должны будутъ согласиться, что эти сочиненія, кромѣ ожидаемой отъ нихъ пользы, имѣютъ свое абсолютное достоинство и въ области искусства. Желательно было бы только, чтобы истинные ревнители отечественнаго просвѣщенія и особенно интересующіеся улучшеніемъ быта евреевъ въ Россіи старались распространять подобныя сочиненія тысячами въ народѣ: тогда этимъ много способствовали бы къ поколебанію фанатизма и къ устраненію многихъ причинъ, препятствующихъ еще нонынѣ правильному ходу образованія русскихъ евреевъ.

Херсонъ, 20 Іюля 1867 г.

Оригиналъ «критическаго разбора сочиненій И. Аксенфельда», на древне-еврейскомъ языкѣ, подъ названіемъ:

ИГЕРЕТЪ БИКОРЕТЪ

выйдетъ, въ непродолжительномъ времени, изъ печати въ Варшавѣ и поступитъ въ продажу въ книжномъ магазинѣ А. Іоельзонна, на Ришилевской улицѣ, въ Одессѣ.

ЦѢНА 30 КОП.

